

которой все это место производит впечатление спутанного и сбитого)⁵⁴ тоже свидетельствует об их руке. Неясно только, каков был смысл этой работы. Вероятно, редакторы хотели сделать более рельефной фигуру епископа Кирилла, одного из действующих лиц повести о Батыевой рати: о нем молится перед мученическо-вероисповедной смертью Василько Константинович («спаси рабы твоя чада моя Бориса и Глеба, и отца моего епископа Кирила», — л. 162 об.), он хоронит обоих князей и его молитвами, наряду с молитвами богородицы, бог прекращает разорение Русской земли: «... не презрѣ господь молитвы его и слез, иже приношаше господеви, моляся д(е)нь и ношь, абы не оскудела правовѣрная вѣра христьянская, еже и бысть: сдѣя господь спасенье велико князем нашим, избавил е от враг наших» (л. 164).

Если в князьях — героях повести о татарском нашествии легко «опознаются» князья XIV в., то на сопоставление с ростовским епископом Кириллом «напрашивается» сам непосредственно причастный к созданию Лаврентьевской летописи нижегородско-суздальский епископ Дионисий.

Но вернемся к послесловию летописи. Развивая мысль В. Л. Комаровича с учетом наблюдений А. Н. Насонова, можно было бы подумать, что в статье 1231 г. и в начале приписки был использован один и тот же источник — Апостол. Однако дело, оказывается, обстоит иначе.

Недавно была опубликована такая запись XIV (или XIII) в. в парижской греческой рукописи сочинений Аристотеля (Paris. gr. 1853, f. 195^v): «Ὡσπερ ξένοι χαίροντες εἶδεν π(α)τριδα καὶ οἱ θαλαττέροντες εἶδεν λιμένα καὶ οἱ κοπιόντες εἶδεν τὸ κέρδος τοὺς καὶ οἱ στρατεβόμενοι εἶδεν τὸ νίκος, ὁμίως καὶ οἱ μαθάνοντες εἶδεν βιβλίου τέλος»⁵⁵ («Как радуются странники, завидя отечество, и мореходы, завидя порт, и труженики, видя прибыль, и войны, видя победу, так и читающий — видя конец книги»; запись сделана довольно безграмотно).

Следом за ней стала известна другая (тоже безграмотная) приписка того же типа: «Ὡσπερ οἱ ξένη χέρωντ(αι) ἰδεῖν π(α)τριδα οὕτως (καὶ) οἱ θαλαττέροντες ἰδεῖν λιμ(εν)α, ὡς αὐτως (καὶ) οἱ γράφωντ(ες) ἰδεῖν τέλος βιβλίου» («Как радуются странники, завидя отечество, так и мореходы, завидя порт, точно так же и пишущие, видя конец книги»; запись датируется 1522 г.; Barber. gr. 386).⁵⁶

В самое последнее время опубликована и третья аналогичная греческая приписка по рукописи XVIII в.⁵⁷

Таким образом, никаких сомнений теперь нет: Лаврентий начал свое послесловие с повторения или перевода одной из стандартных византийских книжных приписок. Этот факт обнаруживает какое-то знакомство мниха Лаврентия с византийской книжностью. Знал ли он греческий язык, бывал ли он, как Дионисий Суздальский, в Византии, мы, наверно, никогда не узнаем. Но важнее другое: оба этих человека, которым мы обязаны созданием в 1377 г. замечательной рукописной книги по русской истории, принадлежали, судя по всему, к тому слою монахов, который служил главным проводником веяний, шедших на Русь с Балкан, и был самым культурно-плодовитым (литература, архитектура, живопись) и самым

⁵⁴ См.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 98.

⁵⁵ P. Moraux. Le Parisinus graecus 1853 (Ms. E) d'Aristote. — Scriptorium, t. XXI, 1967, № 1, p. 35 et pl. 3c.

⁵⁶ A. Jacob. Une prière du skeuophylakion. — Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome, Bruxelles—Rome, 1968, p. 329.

⁵⁷ БАН, РAIK, № 44; см.: И. Н. Лебедева. Греческие рукописи. — Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 5, Л., 1973, стр. 174.